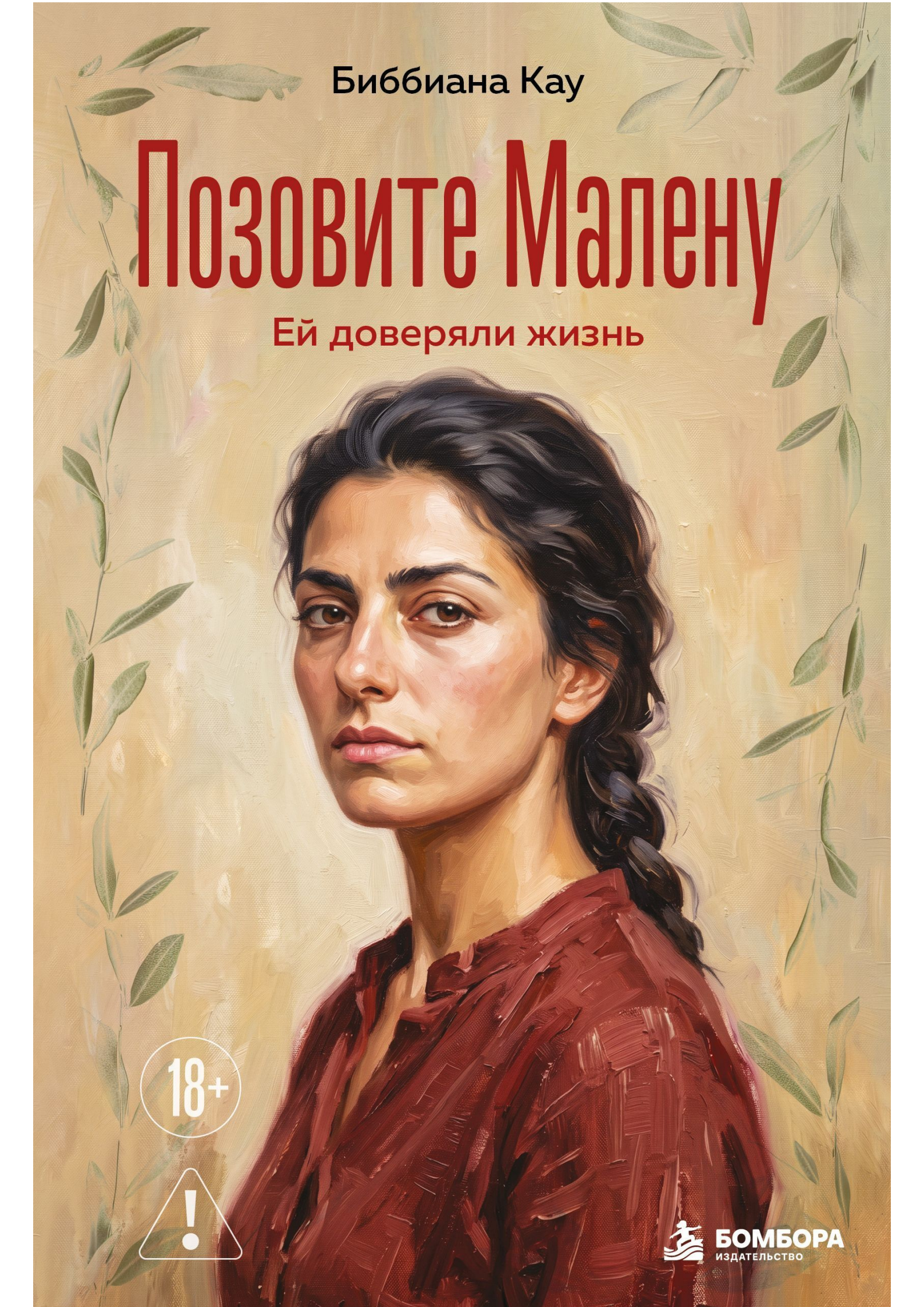
Биббиана Кау

Позовите Малену

Ей доверяли жизнь

18+

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Лимонный сад. Женские истории, написанные жизнью

Биббиана Кау

Позовите Малену. Ей доверяли жизнь

«Эксмо»
2025

УДК 821.131.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44

Кау Б.

Позовите Малену. Ей доверяли жизнь / Б. Кау — «Эксмо», 2025 — (Лимонный сад. Женские истории, написанные жизнью)

ISBN 978-5-04-256942-5

Сардиния, 1917 год. Малена, потомственная повитуха, помогает женщинам деревни Норолани в родах, ничего не ожидая взамен. Когда с фронта Первой мировой возвращается ее искалеченный муж, ей нужны деньги на лекарства для любимого. Она идет в муниципалитет требовать оплаты своей работы. Но ей не только отказывают, потому что она не умеет ни читать, ни писать, но и нанимают на ее место дипломированную акушерку с материка… Сильная женская история, пропитанная ароматами трав, соленого морского ветра и тяжелой жизни, честно прожитой до последнего вздоха.

УДК 821.131.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-04-256942-5

© Кау Б., 2025
© Эксмо, 2025

Содержание

1 6
2 9
3 11
4 16
5 19
6 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Биббиана Кау
Позовите Малену
Ей доверяли жизнь

© Гармашова Ю.В., перевод на русский язык, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

1

17 сентября 1917 года, понедельник

Время пришло – Малена поняла это по железистому запаху крови, стекающей по внутренней стороне широко раздвинутых бедер Лучии.

– Пора, – сказала она, не отрывая взгляда от молодой женщины на полу; та в исступлении стянула с себя длинную рубаху из грубого хлопка и теперь сидела на овчине нагая.

Малена пошевелила угли в очаге и раздула пламя мехами. Свет озарил лица женщин; капли пота заблестели на груди Лучии, на темных крупных сосках. По известковым стенам скользили и вытягивались тени – то озорные, то зловещие; они словно сменяли друг друга в причудливом танце.

Малена закатала рукава льняной рубашки выше локтей и смазала свои точеные руки маслом мастикового дерева.

– Ты приготовила пеленки, что я просила? – спросила она дочь Розу, которая, вцепившись в табурет обеими руками, жалась в стороне.

– Да, мамай, они на скамье.

– Положи поближе к огню, чтобы прогрелись.

Костлявая, узкоплечая, вся в черном, тетка Ноннора сидела на стуле в углу кухни и вполголоса читала непонятные молитвы, перебирая четки. Лишь время от времени она прерывалась, чтобы дать очередное наставление, смысл которого ускользал от Розы:

– Смотрите мне, ничего не трогайте. Оставьте все так, как я сказала. Ничто не должно оставаться запертым – ни сундук, ни дверь, ни ящик. Все должно быть открытым – в знак доброго предзнаменования.

Произнеся это, старуха вернулась к своим таинственным молитвам, которые, казалось, знала лишь она одна. Незадолго до этого она зажгла свечу в нише со святыми образами и положила образок святой Анны себе на юбку. Не переставая молиться, она подняла взгляд на Лучию, и Розе показалось, что в глазах старухи на мгновение мелькнула нежность: словно она вновь увидела перед собой маленькую девочку, а не взрослую внучку.

При каждой схватке Лучия издавала глухой животный стон, а потом обмякала на овчине, дрожа всем телом, несмотря на близость очага. Так продолжалось с самого полудня. Прикладывая руки к напряженному животу молодой женщины, Малена угадывала положение ребенка, различала движения его рук и ног.

В дальнем углу комнаты Роза в оцепенении наблюдала за происходящим. Она впервые сопровождала мать на родах и впервые видела рожающую женщину. Мать не раз описывала ей это волнительное событие в самых ярких красках, замечая, что рождение ребенка – всегда благо, и все же Роза никогда бы не подумала, что это занимает столько времени. Кровь стыла у нее в жилах от криков Лучии: та кричала и звала на помощь так, словно какой-то зверь разрывает ее изнутри.

Роза не могла понять, откуда взялся этот густо разлитый по комнате страх, который был и ее собственным. Она придвинулась ближе к тетке Нонноре; та не переставала молиться. Монотонный голос и близость этой старухи в черном успокаивали девочку.

В комнате было дымно и жарко натоплено. Мать сидела на корточках рядом с Лучией и время от времени оборачивалась, чтобы пошевелить поленья. Искры жалили ее обнаженные руки, но она словно не замечала этого.

Поймав взгляд Розы, Малена попросила ее проверить, все ли готово:

– Следи за водой в горшке, да смотри не урони его с треноги. И держи пеленки наготове. Больше повторять не стану.

Выполнив поручение матери, Роза снова села рядом с теткой Ноннорой, которая, стиснув четки в скрюченных артритом пальцах, хрипло шептала:

– Святая Анна, покровительница матерей и тяжелых родов, услышь мою смиренную молитву…

Тем временем тело роженицы сотряслось от нового спазма. Лучия раскрыла рот, и лицо ее исказилось гримасой боли. Она принялась тужиться и кричать с такой силой, будто больше не могла сдерживаться, и теперь все ее существо подчинялось одному лишь неудержимому порыву – отдаться потуге целиком. Когда она переводила дыхание, воздух, входивший в ее легкие, казался уже не кухонным: он был чище и невесомее, словно из другого мира.

Не сводя глаз с роженицы, Роза вздрагивала от каждого крика, который, казалось, пронзал ее насквозь. Она из последних сил заставляла себя сосредоточиться на голосе старухи. Тетка Ноннора молилась за Лучию и за всех других рожениц, за роды, что прошли благополучно, и за женщин, которые их не пережили, – как ее собственная дочь, мать Лучии, – за детей, которым не суждено было вырасти, и за все то, что могло произойти в эти таинственные мгновения.

– Тужься! Ну же, тужься изо всех сил! – подбадривала Малена, стараясь не выдать своего волнения.

Роза не чуяла рук и ног от усталости, и время, которое потребовалось, чтобы второй ребенок Лучии появился на свет, показалось ей бесконечным. Зато малыш тотчас закричал во все горло – Малене даже не пришлось переворачивать его вниз головой и шлепать по попке. Со знанием дела она перевязала пуповину нитью, а затем, под неотрывными взглядами дочери и тетки Нонноры, быстрым почти автоматическим движением перерезала ее леппой[1], которую вытащила из кармана юбки. Прежде чем пустить ее в ход, Малена несколько раз провела лезвием над огнем. Конец пуповины она присыпала остывшей золой.

– С ним все хорошо? – спросила Лучия таким голосом, что было понятно: больше всего на свете ей сейчас хочется закрыть глаза и забыться. Но прежде ей не терпелось увидеть ребенка и взять его на руки.

Малена не ответила. Она растирала новорожденного теплым маслом, осторожно потягивая за ручки и ножки, проверяя, не случилось ли вывихов при рождении. Затем вытерла розовое пухлое личико малыша, который все это время не переставал кричать, и завернула его в прогретые у огня пеленки.

– Скажи, Малена, он здоровенький?

– У тебя мальчик. Сама слышишь, как горланит. Здоров как бычок, – ответила она коротко.

Голос новорожденного, полный жажды жизни, был красноречивее любых слов.

Молодую мать знобило, несмотря на одеяла и тепло огня. Малена положила новорожденного ей на руки, с левой стороны, прямо к сердцу.

В полумраке Роза видела, как Лучия вглядывается в личико ребенка. Едва их трепещущие тела коснулись друг друга, оба словно успокоились, и Роза, вздохнув, тоже обмякла на табурете, чувствуя, как расслабляются напряженные мышцы.

– Ты погляди на него – не успел родиться, а уже такой вертлявый! Все-то он знает, все-то умеет. Чудо, да и только, – пробормотала тетка Ноннора, указывая на малыша, который сначала ткнулся губами в материнскую грудь, потом быстро отыскал сосок и принялся жадно причмокивать, пока не уснул.

---

[1] Леппа (от сард. *leppa* – «нож») – традиционное сардинское клинковое оружие, представляющее собой большой, слегка изогнутый нож. Оно сочетает функции инструмента (для рубки веток, разделки животных) и оружия *(здесь и далее прим. переводчика).*

Присев на корточки перед Лучией, Малена с покрасневшими от дыма и усталости глазами дожидалась, пока выйдет плацента. Роза наблюдала, как мать проверяет, вышла ли та целиком и не осталось ли чего внутри, и лишь убедившись, что все в порядке, положила плаценту у очага.

Тетка Ноннора молча вышла из комнаты и немного погодя вернулась в сопровождении своего мужа и первенца Лучии – те все это время ждали у соседей, в доме напротив.

– Ну же, подойди посмотреть на братика.

Мальчик остался стоять поодаль рядом с прабабушкой. Его смущали беспорядок в комнате и этот маленький незнакомец, которого мать прижимала к себе с завороженным взглядом. Старик в поношенной рабочей одежде подошел ближе и осторожно погладил Лучию и младенца своими большими мозолистыми руками. От этого легкого прикосновения новорожденный даже не проснулся и продолжал блаженно спать с умиротворенным личиком.

Роза с удивлением наблюдала за стариком, охваченным тихой благостью, и думала – смутно, не умея до конца осмыслить, – о том, как легко уживаются в мужчинах грубость и нежность. Глаза старика заблестели, и она догадалась: он думает о муже Лучии, который спит сейчас в обнимку со штыком где-то в холодных горах Трентино.

– Как только сможешь, выкопай во дворе яму, да поглубже, и зарой плаценту, чтобы животные до нее не добрались. Нельзя, чтобы они питались священной человеческой плотью.

Тетка Ноннора посмотрела мужу прямо в глаза – убедиться, что он все правильно понял. Проведя еще несколько минут в тихом созерцании, старик подошел к старшему внуку, который все так же молча и растерянно стоял у входа, взял его за руку и вывел наружу.

Малена и Роза смочили льняные полотенца в теплой воде с каплей вина и обтерли ими роженицу, подложив ей между ног мягкую тряпочку, сложенную вчетверо. Переодев Лучию в чистую ночную рубашку, они помогли ей перебраться в спальню, где постель по такому случаю была застелена лучшим бельем, какое только нашлось в доме. Матери с сыном предстояло провести в кровати несколько дней, принимая родственников и соседей: те будут угощаться ароматными амаретти и мягкими савоярди и пить сладкую мальвазию за здоровье новорожденного и всей семьи.

Собрав окровавленные полотенца, Малена на мгновение встретилась взглядом с дочерью, и та тотчас приготовила щелок, замочила и прополоскала их в остатках горячей воды. Несмотря на то что все тело у нее ломило от усталости, Роза молча развесила полотенца сушиться на стульях у огня, пока мать мыла руки в тазу с холодной водой. Они оставались в доме столько, сколько было нужно, чтобы убедиться, что все в порядке.

– Пора вам идти, – сказала тетка Ноннора, доставая что-то из небольшого настенного шкафчика.

– Завтра зайду проверить, как они, – ответила Малена, глядя на старуху.

– Дай тебе Господь здоровья и удачи, милая.

Провожая их к двери, тетка Ноннора протянула Розе небольшой круг свежего пекорино, завернутый в грубую льняную тряпицу. Роза приняла дар, но лишь после того, как мать согласно кивнула.

2

На улице уже пару часов как стемнело. Ледяной мистраль заставил мать и дочь прибавить шагу, когда они шли по крутым узким улочкам с низкими домами из темного камня. Они зашли за Даниэле, которого еще в первой половине дня, перед тем как отправиться к Лучии, оставили у тетки Дзиццы, его бабушки, в нижней части Норолани.

Едва завидев их, мальчик юркнул под шаль матери; та легонько хлопнула его по щеке тыльной стороной ладони.

– Он почти все время провел на улице, землю мотыжил. Еле домой загнала. А как стемнело, притих, даже воды не просит. – Тетка Дзицца показала на белую эмалированную кружку с щербиной на ободке, стоявшую на столе нетронутой.

– Вы же знаете, бабушка: раньше он был прыткий и веселый, как козленок, а с тех пор как бабай ушел на войну, все молчит да грустит, – сказала Роза, пытаясь оправдать братика.

– Мой дорогой сыночек… Минуты не проходит, чтобы я о нем не думала, – вырвалось у старухи.

– Ах ты мой поросеночек, – улыбнулась Малена мальчику. Из-под бахромы шали торчал один только нос.

Роза смотрела на брата и теребила руки, не решаясь продолжить.

– В школе он тоже все время молчит, и учитель Мелони в понедельник надавал ему пощечин за то, что не отвечал на вопросы, – призналась она смущенно. Она обещала Даниэле не рассказывать об этом матери.

Малена посмотрела на мальчика.

– Это правда? – строго спросила она.

Тот потупил взгляд.

– Но я не проронил ни слезинки.

Малена молча прижала сына к себе.

– Ладно, уже совсем поздно, нам пора. Покойной ночи, тетя Дзицца.

Они зашагали вверх по улице в сторону дома. Луна освещала мощенную старинным камнем мостовую, и было слышно, как звонко стучат гвозди в каблуках туфель Малены.

Отперев замок большим ключом, Малена зажгла масляную лампу, висевшую на крюке за входной дверью. Шаль она бросила на один из стульев в маленькой прихожей, и все трое прошли на кухню: слева большой каменный очаг, напротив дверь во двор, а рядом – небольшое окошко с деревянными ставнями внутрь, такое же, как в двух других комнатах. Девочка положила на стол сыр от тетки Нонноры. Первым делом Малене предстояло развести огонь: несколько угольков, пролежавших под золой с самого утра, облегчили ей эту задачу.

– Роза, разогрей бульон.

Она сварила его еще утром, после того как дети ушли в школу. В глиняном горшке с подсоленной водой плавали картофелины и целые луковицы; в воздухе до сих пор стоял аромат сушеных помидоров и свежего базилика.

Малена выбежала наружу и устремилась в дальний угол двора – она терпела уже несколько часов. Подтершись влажной льняной тряпицей, она наконец почувствовала облегчение. В свете луны она придвинула мотыгой горстку земли и присыпала ямку и, перед тем как вернуться в дом, прополоскала тряпицу и расправила складки на юбке.

На кухне Даниэле наблюдал, как мать достает из небольшого шкафчика в нише коккой – темный круглый хлебец из ржаной муки.

– Можно, я порежу?

Малена молча вынула леппу из кармана юбки и протянула ему. Мальчик отрезал три толстых куска, а сестра разложила их по тарелкам. Малена добавила к каждому тонкий ломтик

пекорино от тетки Нонноры и разбила всем в тарелку по яйцу. Сверху влила два половника горячего бульона. Хлеб и сыр размякли, яйцо схватилось. Ели молча.

Только после ужина, усевшись на деревянный сундук у стены рядом с очагом, они вытянули ноги к огню. Осень только начиналась, но в маленьком доме из базальтового камня было холоднее, чем на улице, и тепло очага приятно разливалось по телу.

– Как прошло утро в школе? Чему вы сегодня научились?

Роза побежала за тетрадкой и с гордостью показала все, что они написали на уроке. Малена внимательно разглядывала незнакомые ей знаки. Написанные на бумаге слова завораживали ее. Сама она никогда не училась, но надеялась узнать что-то новое благодаря детям.

– А ты, Даниэле, что делал в классе?

Мальчик сделал вид, что не расслышал, и принялся мехами раздувать огонь:

– А там, где сейчас бабай, у них есть очаг?

– Ну и глупый же ты! Откуда ему там взяться? У солдат нет дома, как у нас, – с постелью, очагом, припасами и всеми удобствами.

Роза раздраженно посмотрела на брата. Ее выводило из себя, когда он говорил что-то не к месту.

– Почитай последнее письмо от бабая, – попросил мальчик, вдруг посерьезнев. Сестра, заметив, как заблестели у него глаза, смягчившись, согласилась.

> *Монте-Дзебио, 12 июля 1917 года*
>
> «Малена, любовь моя!
>
> С каждым восходом солнца я думаю о тебе и о наших детях. Я все еще здесь, под грохотом австрийских пушек, меня обжигает ледяное дыхание несправедливости, но вашими молитвами я надеюсь побороть смерть и растерянность. Каждый день я молюсь о том, чтобы выбраться живым из этого ада. Среди моих товарищей многие готовы погибнуть за Родину, но ни один из нас не понимает, за что мы воюем. Надеюсь выжить и верю, что скоро смогу обнять вас.
>
> *Ваш Манка Джованни».*

– А тот, кто написал это письмо за бабая, красиво пишет, правда? Почти стихотворение вышло, только очень грустное. Интересно, что бедненький бабай сейчас делает.

Роза молча слушала Даниэле, аккуратно складывая листок и думая о том, как прекрасен будет миг, когда отец наконец вернется. Малена тоже молчала. Веки отяжелели после трудного дня. По вечерам, когда она думала о Джованни, тоска о нем сжимала сердце и перехватывала дыхание. Она вздохнула, встала и потянулась к деревянной полке: там стояла корбула, плетеная корзинка с сушеным инжиром. Малена взяла горсть и протянула детям, оставив одну себе.

– Мамай, вы же оставите немного для бабая, когда он вернется?

– Конечно! Мы оставим для него целое ожерелье из инжира.

Даниэле и Роза улыбались, смакуя сладкие плоды, собранные в конце лета, и с удовольствием давили зубами крошечные семечки, которые то и дело выскальзывали и застревали между резцами.

– А теперь умываться и в постель!

Малена подняла лампу и осветила рукомойник у двери, ведущей во двор. Пока Даниэле нехотя повиновался, она взяла медную жаровню, наполнила ее углями и поместила под высокую кровать из кованого железа в спальне. Больше некому было согреть для нее постель.

3

Утром, направляясь вместе с братом в школу, Роза зашла за своей подругой Ниной. Она взяла ее за руку, и они вместе зашагали вниз по улице.

– Как ты думаешь, что такое любовь?

Вопрос вырвался у нее неожиданно, но она успела произнести его вполголоса, чтобы не услышал Даниэле, шедший на несколько шагов впереди. Подруги часто ходили в школу вместе, но в последнее время Нина стала пропускать уроки и не проявляла усердия в учебе.

– Я думаю… любовь рождается из дружбы. Сначала вы видитесь на воскресной мессе, обмениваетесь улыбками, потом оказываете друг другу любезности, встречаясь на праздниках на площади и на танцах.

Роза крепко сжала руку подруги.

Та была лишь немногим старше нее, но Розе она казалась уже настоящей женщиной – вот почему она с нетерпением ждала встречи с ней, чтобы задать «тот самый вопрос». Увиденные впервые роды произвели на нее такое сильное впечатление, что она словно повзрослела за один день и стала ближе к тому миру обрядов и таинств, который рано или поздно, как она думала, станет и ее миром.

– А по-моему, это как молния – налетает внезапно, стремительно, оглушая светом и громом, от которых перехватывает дыхание. – Она говорила, мечтательно подняв глаза к небу, словно видела там эту картинку.

– Хватит! Не хочу больше об этом говорить! – Нина неожиданно возвысила голос – даже Даниэле обернулся.

Роза была в недоумении.

– Ты чего? Что я такого сказала?

– Хватит, и все, – отрезала Нина.

– Да что с тобой такое?

Роза изумленно смотрела на подругу, а та нервно прибавила шагу и ушла вперед.

Проводив детей в школу, Малена вышла во двор и направилась к углу, отведенному под курятник, огороженному воткнутыми в землю вязанками хвороста, чтобы не пролезли куницы и чтобы куры не разгуливали свободно и не клевали капусту, кабачки и другие овощи. Поставив на землю корзинку с яйцами, она подошла к Питиоле – та стояла у двери во двор, привязанная веревкой к кольцу, вбитому в каменную стену.

Малена подставила под нее деревянное ведро и начала доить.

Ослица, несколько месяцев назад потерявшая осленка, стояла смирно, пока ведро наполнялось теплым пенистым молоком. Малена знала: этот ежедневный ритуал не просто приносил ослице облегчение, но и успокаивал ее саму.

Вернувшись в дом, она налила себе миску молока и поджарила ломоть хлеба – его аромат перенес ее в другое время, когда они с Джованни, проснувшись в объятиях друг друга, завтракали вдвоем. Сидя перед очагом, она погрузилась в эти воспоминания. Красноватые отблески пламени играли на ее лице. Только он один по-настоящему знал, что она любит и чего боится. Только он умел разогнать призраки прошлого, обитающие в ее голове. Он обещал защищать ее вечно. Она любила его маленькие привычки: как он, умывшись холодной водой, приглаживал

руками волосы; как выходил во двор с куском хлеба в руке, ел на ходу, заканчивая собирать ослицу; как растирал ноющую спину после того, как весь день вскапывал землю для посева. Глаза Малены покраснели – и не только от близости огня. Макая ломоть хлеба в миску с молоком, она пыталась унять тоску. Будь ее воля, она оставила бы ее на столе вместе с крошками.

Позже, собирая ослицу в дорогу, она заметила, что на седле из дерева дикой оливы от времени и долгого использования проступили прожилки, похожие на причудливый узор. Решительным движением она закинула седло на спину животного и тщательно затянула кожаную упряжь: стремена, подпругу и подхвостник она всегда подгоняла в зависимости от времени года – когда ослица худела или полнела. На круп она повесила прочную бертулу – переметную шерстяную суму, по бокам подшитую полосами более плотной ткани. Уходя в поле, Джованни обычно клал в нее еду, воду, мотыгу или какой-нибудь другой инструмент, а возвращаясь, нес в ее вместительных карманах то, чем в ту пору одаривала природа.

Думая о нем, Малена положила в боковые карманы две большие тыквы. Несколько лет назад Джованни выпотрошил и высушил их, чтобы использовать как сосуды; в другой карман положила тыкву поменьше – с водой – и ломоть хлеба в мешочке из грубого льна. Закрыла глаза, наклонилась к ткани бертулы и глубоко вдохнула этот запах, с каждым днем все слабее напоминавший ей о ее мужчине. Малена взяла ослицу за поводья и, пройдя через дом, вывела ее на улицу.

Заперла дверь на ключ, спрятала его над притолокой и взобралась на ослицу верхом. Ее манера сидеть верхом вызвала неодобрение у двух стариков, сидевших на пороге соседнего дома.

– Черт-те что! Весь мир перевернулся с ног на голову, – прокомментировал один из них, вынимая изо рта сигару, которую держал зажженным концом внутрь.

Потом старик покачал головой, снова вставил сигару в рот и задымил – огнем внутрь.

Через несколько минут, оставив поселок позади, Малена с Питиолой свернули на дорогу, что вела на северо-восток, в Теннаири. В прошлую субботу Малена принимала роды у Марии, жены Маттео Пикокку. Никто так и не успел подать заявление о рождении – мэрия была закрыта.

Примерно через полчаса они остановились у источника. Малена с наслаждением напилась холодной воды, умылась, вытерла лицо и руки подолом юбки. Утолив жажду, Питиола принялась пощипывать траву и нижние ветки деревьев. Женщина воспользовалась остановкой, чтобы понежиться в мягких лучах солнца. Слушая звуки леса и вдыхая его запахи, она думала о том, как не похожи здешние леса на те, что были в Барбадже. Она покинула родные края пятнадцать лет назад, но до сих пор помнила запах мха на стволах дубов. Ослица тоже раздувала ноздри, принюхиваясь, и взгляды их то и дело встречались.

Когда через полчаса они добрались до Теннаири, начался дождь. Малена нашла дом Марии и Маттео, привязала ослицу к железному кольцу в каменной стене и толкнула приоткрытую дверь.

– Можно? – спросила она, входя, не дожидаясь ответа.

На кухне соседка, стоя на коленях на земляном полу, укладывала дрова в очаг. Антония, молодая сестра роженицы, вошла с глиняным кувшином на голове и осторожно поставила его на полку у окна. Едва кивнув ей, Малена прошла в спальню – навестить мать и новорожденную.

– Молоко так и не пришло, а Анна все время плачет.

Мария сидела на большой кованой кровати и со слезами на глазах смотрела на дочь, которую держала на руках.

Свет просачивался сквозь белые занавески, подчеркивая бледность роженицы, усиленную тревогой и усталостью. Через несколько минут в комнату вошла Антония с подносом с двумя дымящимися чашками кофе и савоярди.

– Принеси мне небольшую миску, – велела Малена, наблюдая, как новорожденная широко раскрывает рот и с яростью присасывается к материнской груди – словно хочет проглотить ее целиком.

С миской в руках Малена вышла на улицу – надоить немного молока у Питиолы. На этот раз не набралось и четверти литра, а ослица недовольно ревела; она всегда так делала, если чего-то не понимала.

– Смочи краешек тряпицы в этом молоке и дай девочке пососать, но продолжай прикладывать ее к груди.

– Спасибо.

– На сегодня и завтра должно хватить, – сказала она, взглядом указав на миску с ослиным молоком.

Малена обмакнула савоярди в горячий кофе:

– А ты, Антония, каждый день заваривай две чайные ложки семян фенхеля и давай сестре по чашке утром и вечером.

Девушка кивнула и, закатав рукава рубашки до локтей, снова взялась за метлу из сорго.

Малена поставила чашку и посмотрела на роженицу.

– Твой муж скоро вернется?

– Обычно к этому времени он уже приходит с пастбища. Наверное, сегодня задержался из-за дождя – не успел подоить овец.

Мария медленно подносила смоченную молоком тряпочку ко рту новорожденной. Маленькая Анна жадно сосала, чуть высовывая язычок, пока наконец, утомленная и довольная, не уснула.

Малена ждала на кухне, сидя на низком стуле: ей не терпелось как можно скорее отправиться в мэрию оформить рождение. Из открытой двери, выходившей на задний двор, доносилось завывание мистраля и аромат дикого розмарина, куст которого нахально пробился среди огородных грядок.

Через несколько минут стук копыт возвестил о возвращении хозяина. Маттео вошел через прихожую, снял с седла два кувшина с молоком и оставил их на земляном полу кухни.

– Ну здравствуй, повелительница родов, – сказал он с улыбкой, едва завидев Малену.

Антония взяла поводья и, пока осел не успел испачкать пол, вывела его во двор.

– Послушай, Маттео. Если в ближайшие дни у Марии так и не появится молоко, раздобудь немного ослиного – девочка на нем окрепнет.

– Эя, будет сделано, – ответил муж Марии. – Даже лучше – приведу сюда ослицу Татано, будет и нашему ослу радость, – добавил он с лукавой улыбкой.

Он уже собирался снять промокший плащ, но остановился, заметив нетерпение Малены.

– Идем, – сказала она серьезно, поднимаясь со стула.

– Слушаюсь и повинуюсь, синьора. Эй, Анто, пойдем с нами – вдруг понадобится еще один свидетель.

Он улыбнулся свояченице и снова натянул по самые уши свою берриту, длинную мешковатую шапку, оставив свободный конец болтаться за плечами.

Оставив Анну спать на руках у матери, все трое двинулись пешком к мэрии в нескольких сотнях метров от дома. Небо заволокло темными низкими тучами, мистраль выметал улицы. Антония шла, скрестив руки на груди, защищаясь от порывов ветра; под шалью на ней было

легкое платье. Ветер раздувал длинную, до лодыжек юбку и трепал волосы, несмотря на пучок, собранный на затылке, который придавал ей не по годам серьезный вид.

Несмотря на берриту, торчавшую кверху, Маттео заметно уступал обеим женщинам в росте, что в сочетании с мальчишескими чертами лица делало его совсем юным на вид. В раннем детстве он переболел малярийной лихорадкой, которая ослабила его и остановила в развитии. Из-за хилого телосложения призывная комиссия признала его непригодным к службе, и это уберегло его от фронта.

Когда односельчане добродушно подтрунивали над его ростом, он отвечал поговоркой: всякому деревцу своя тень. Только теперь до Малены дошло, почему земляки прозвали его Пикокку («Коротышка») и почему Маттео всегда принимал насмешки с улыбкой: пусть и не богатырь, зато духом силен. А когда насмешки не унимались, она сама не раз слышала, как он ставил весельчаков на место: «Знамо дело, в тени больших деревьев ничего не растет».

Придя в мэрию, все трое сообщили служащему, что пришли зарегистрировать рождение, и с торжественным видом ждали, пока служащий по актам гражданского состояния не вызвал их к себе. Мужчина средних лет, высокий и дородный, провел их в кабинет. В комнате с потрескавшейся деревянной конторкой и несколькими открытыми стеллажами пахло табаком и пылью. Еще недавно этот мужчина служил рассыльным и глашатаем, но, так как окончил три класса начальной школы и умел читать и писать, с гордостью занял место штатного служащего, призванного на фронт.

Все трое молча смотрели, как он снял с запыленной полки толстую метрическую книгу и принялся писать, проговаривая вслух:

– В год тысяча девятьсот семнадцатый, восемнадцатого дня сентября месяца, в десять часов до полудня, в мэрии, передо мной, Раймондо Ноли, служащим по актам гражданского состояния коммуны Теннаири, явился Унали Маттео, двадцати пяти лет от роду, крестьянин, который объявил мне, что в семь часов тридцать минут пополудни пятнадцатого числа текущего месяца в доме, расположенном по улице Савойя без номера, его жена Анджои Мария, двадцати двух лет от роду, поденщица, так же, как и он, проживающая в Теннаири, родила ребенка…

– Хорошо бы мальчика, да родилась девочка, – сказал Маттео, почесав затылок.

Служащий резко остановился; перо оставило на странице кляксу.

– Черт возьми, посмотрите, что вы натворили. Молчите.

Затем продолжил:

– …Родила ребенка женского пола, которому дали имя Анна. Заявитель был освобожден мною от обязанности представить новорожденную ввиду суровых погодных условий, после того как я иным образом удостоверился в достоверности рождения. При вышеизложенном и при составлении сего акта в качестве свидетелей присутствуют Девaддис Малена, тридцати семи лет от роду, повитуха, проживающая в Норолани, и Анджои Антония, двадцати лет от роду, поденщица, проживающая в данной Коммуне. Заявитель объявил о вышеуказанном рождении в качестве главы семьи, поскольку Анджои Мария родила по месту жительства. Прочитано и подписано мной одним, поскольку прочие не знают грамоты. Подпись: *Раймондо Ноли*.

Прежде чем поднять голову, он перечитал написанное.

– Поставьте крест здесь, под моей подписью, – сказал он, указав пальцем на нужное место в книге. – Эх… Несколько лет назад, до войны, в этом же месяце регистрировали двадцать пять новорожденных, а теперь… только двенадцать.

С тяжелым вздохом он перевел взгляд на фотографию короля Витторио Эмануэле Фердинандо Мария Дженнаро, висевшую на старой стене, сплошь испещренной трещинами.

Малена хмурилась и нервно теребила юбку, ожидая, пока служащий закончит.

– Вы идите, а я потом зайду за Питиолой, – сказала она, едва увидев, что тот закрывает книгу.

– Ну что ж – адиос. – Маттео Пикокку сделал знак свояченице следовать за ним и ушел, не заставив себя просить дважды. Он был на ногах с трех утра и мечтал поскорее добраться до завтрака: черного хлеба с перченым салом и стакана красного. Антония, зябко поеживаясь, молча шла за ним на два шага позади.

Убрав книгу на запыленную полку, синьор Раймондо Ноли посмотрел на Малену.

Она подошла и положила руки на стол. Ей не пришлось даже вспоминать заготовленную речь, слова вырвались сами:

– Могу я узнать, что мне нужно сделать, чтобы мне наконец начали платить? Вот уже пятнадцать лет я принимаю в этих краях роды, и у меня не остается времени ни на какую другую работу, чтобы прокормить семью.

Служащий не удивился: вопрос о том, платить или не платить повитухе, обсуждался не первый год.

– К сожалению, был принят акт об отзыве постановления Муниципального совета, который, заметьте, проголосовал за то, чтобы выплачивать вам запрошенное вами пособие.

Малена крепко прижала ладони к столу, не отводя взгляда.

– Только за этот год я уже приняла сорок шесть родов в округе – и поскольку почти все роженицы были из бедных семей, не получила за это ни гроша. Но я и сама небогата, а теперь и вовсе осталась одна – содержать меня некому.

– Я уже говорил вам: чтобы принимать роды и получать за это плату, необходимо иметь университетский диплом или – раз уж вы занимаетесь этим столько лет – сдать экзамен в Кальяри и получить патент.

– Но как мне доехать до Кальяри и сдать этот экзамен? Я не могу оставить детей и даже не знаю, когда вернется их отец и вернется ли вообще. Но главное, где взять деньги на дорогу и на все расходы, пока я буду там?

– Я не вижу другого выхода… разве что…

Мужчина умолк, задумавшись.

– Это будет непросто, но я слышал об одной повитухе вроде вас, которая направила прошение министру народного просвещения, а потом королю или королеве… точно не помню.

– Королю, королеве… Скажете тоже. Может, сразу у самого дьявола попросить?

– Подумайте об этом, Малена. Экзамен на патент вы сдадите без труда – моя жена всегда говорит, что вы лучшая повитуха в округе.

– Да, да, знаю, я все это уже сто раз слышала.

Малена вздернула брови, резко повернулась, поправила шаль на голове и вышла, не попрощавшись.

Синьор Раймондо Ноли лишь теперь заметил, что испачкал пальцы чернилами. Он попробовал оттереть их платком, но пятна уже засохли. Смирившись, он со вздохом перевел взгляд на деревянное распятие, висевшее на стене напротив фотографии короля, аккуратно сложил платок вчетверо и убрал обратно в карман.

4

Малена вернулась к дому Марии быстрым шагом и толкнула дверь. Та открылась с трудом – изнутри к ней был приставлен стул, чтобы ветер не распахнул ее и дождь не попал в дом. Антония заканчивала мести земляной пол.

Малена хорошо знала такие полы – они были в большинстве бедных домов округи, и не только в Теннаири. Когда нужно было построить небольшое жилище, материал находился в деревне – как и руки для укладки камней, плетеного тростника поверх деревянных балок и черепицы, которую работники формовали у себя на бедрах и выставляли сушиться. При строительстве дома семьи помогали друг другу по древнему сардинскому обычаю аццуду торрау – соседской взаимовыручке. Каждый знал: придет его черед, и сосед без лишних слов протянет ему руку. Но напольная плитка стоила денег. Потому полы нередко так и оставались земляными.

Малена собрала ослицу, которая развлекалась, обнюхивая папоротники и сорняки, с упорством пробивавшиеся из стены между камнями.

– Это настоящий нектар – выпейте за здоровье Анны, моей жены и всей нашей семьи.

Улыбаясь, Маттео протянул ей тыкву, наполненную сладкой янтарной мальвазией. Малена заметила, как он торопливо укладывает картофелины в один из карманов переметной сумы на Питиоле.

На обратном пути они снова остановились у источника. Малена наполнила две большие тыквы свежей водой, заткнула их маленькими затычками из пробкового дуба и бережно опустила в пустой карман бертулы. Дома у нее был колодец, но вода из этого источника славилась целебными свойствами.

Ветер крепчал, раскачивая кроны деревьев, и Малена, укутавшись в шаль, решила идти пешком, чтобы его порывы не так сильно хлестали в лицо. Впрочем, этот ветер не был таким ледяным, как тот, что дул с Супрамонте, к которому она привыкла в детстве. Питиола же не обращала на непогоду никакого внимания. Только когда с дерева упала сосновая шишка, ослица с любопытством проследила за ней взглядом и подошла обнюхать. Малена не стала ей мешать.

Дорога шла вдоль виноградников – еще несколько лет назад зеленых и налитых золотом, а теперь заброшенных за каменными заборами сухой кладки, заросшими ежевикой. Спускаясь к Норолани, Малена, несмотря на непогоду, не упустила случая взглянуть на синеющее внизу море. Морская гладь завораживала ее всякий раз – она замирала перед ней; и вместе с тем этот бескрайний неведомый простор, особенно в холодные ветреные дни, тревожил ее. Все годы, что она прожила у подножия Супрамонте, море лишь рисовалось ей в воображении, она и подумать не могла, что оно окажется таким огромным и что в солнечные дни его цвет будет таким же, как у глаз ее матери. Внизу, под ее взглядом, волны яростно разбивались о скалы, оставляя белую пену, такую же, что выступает на губах лошадей, мчащихся во весь опор на палио в честь Успения Богородицы, которое празднуют в Оргозоло в середине августа.

В сердце закралась необъяснимая тревога. Этот ничем не сдерживаемый ветер перенес ее в деревню, где она родилась, полную смертей, разлук и долгого молчания, где в иные ночи казалось, что один лишь ветер способен выразить отчаяние. От этих воспоминаний ее пронзил озноб.

Дождь припустил вновь, но Малена решила остановиться – собрать крупные бархатистые зеленоватые плоды айвы с их насыщенным ароматом. Она обещала это Розе и Даниэле. Малена положила айву в суму поверх картошки. Пока ее не съедят, аромат будет мягко стелиться по дому, заполняя каждый его угол.

Внезапно она услышала, как заревела ослица, но прежде чем успела обернуться, удар сзади швырнул ее на землю. Ее охватил безотчетный ужас: ей показалось, что ее кто-то толкнул. Она чувствовала себя в западне, словно попала в лапы к хищнику; она была уверена, что это *он* нашел ее. Вот уже пятнадцать лет воспоминания о бегстве из Оргозоло и от *него* не давали ей покоя.

Она огляделась. Дождь размывал очертания ветвей и приглушал звуки. Вокруг никого не было. Пытаясь подняться, она взялась за левое плечо – оно саднило. Это было то самое «меченое» плечо. Когда ей было пять, она упала спиной в горящий очаг. Ожог был большим и мучительным; мама Роза, повитуха, лечила ее народными средствами – экстрактом лилейных, которые собирала на берегах Чедрино, и маслом зверобоя, чтобы сдержать воспаление и дать ране затянуться, не затвердев. Ожог заживал хорошо, но волосы на затылке так и не отросли, а длинный шрам на плече не позволял до конца вытягивать руку.

Внезапно из-за дерева появился крупный козел. Животное окинуло ее злобным взглядом и бросилось в атаку. Малена схватила камень, но не успела пустить его в ход, как Питиола уже нанесла звонкий удар копытом – козел отпрянул и пустился бежать.

Малена привела одежду в порядок и подобрала плоды айвы, выпавшие из сумы. Ей было жаль, что они помялись, но она почувствовала огромное облегчение: это была не та встреча, которой она боялась годами. Если бы *он* или кто-нибудь из *его* людей нашел ее – один лишь бог знает, что с ней стало бы, и только небо могло спасти ее от *его* мести.

– Простите, могу я с вами поговорить?

Солнце на мгновение пробило брешь в облаках, озарив миловидное лицо девочки в платье на два размера больше. Она стояла перед Маленой, смущенно потупившись.

– Я слишком устала, да и поздно уже. Давай как-нибудь в другой раз.

– Ладно…

Девочка осталась стоять, опустив голову и скрестив руки на животе, – неподвижно глядя вслед медленно удалявшейся женщине, которая вела за собой ослицу.

Малена никак не могла прийти в себя после встречи с козлом. Руки и ноги дрожали помимо ее воли; Питиола, казалось, чувствовала это и послушно шла за ней.

Прежде чем вернуться домой, Малена решила заглянуть к Мимине – соседке и лучшей подруге.

– Есть новости от Антонио?

– В последнем письме, что пришло на днях и которое мне прочитала Роза, он писал, что был в окопе в Альпах, – ответила Мимина.

– Мы с тобой даже не знаем, где это, – рассеянно произнесла Малена.

– Пишет, что горы там высокие, думаю, выше Монтиферру. Что полковые товарищи у него все сардинцы и что они очень страдают от холода, грязи и голода, – продолжала Мимина. Светлые глаза на ее худом бледном лице обрамляли тонкие брови. – Хорошо хоть, что есть твоя дочь – может прочитать письмо и написать ответ. Но я места себе не нахожу, зная, что мой Антонио там каждый день рискует жизнью под пулями.

Она опустилась на стул, и взгляд ее помрачнел.

– Джованни пишет, что спустя два года так и не понял, за что воюет. Но его письмо пришло больше трех месяцев назад, а как он там теперь… Кто знает… – Малена прикусила нижнюю губу и нахмурилась.

– Будем надеяться, что наши мужья скоро вернутся домой – дети уже и не помнят, как выглядит отец. Я каждый вечер показываю им фотографию, которую прислал Антонио, чтобы не забывали. – Мимина потянулась к полке над очагом. – В этой новенькой форме он очень красивый, правда?

На фотографии Антонио улыбался, но, глядя на нее, Малена видела лишь печальный образ детей, смотрящих на отца, будто на святого с образка. Она промолчала.

Заметив глубокую складку, залегшую у подруги между бровями, Мимина спросила:

– Что с тобой? Что-то случилось?

– Да нет, ничего, ничего, – ответила Малена, глядя в пустоту.

После секундного колебания она встала, отобрала полдюжины самых крупных плодов айвы, оставила их на стуле у входа и едва кивнула на прощание.

Хотя был еще только сентябрь, вот уже больше недели стояли холода, как в ноябре. Домой она вернулась насквозь промокшая и продрогшая. Совсем скоро вернутся голодные дети и усядутся с ней у растопленного очага за горячим обедом.

5

С улицы доносились голоса. Судя по говору, это был кто-то нездешний. Старший сын Мимины подбежал поглядеть в приоткрытую дверь: ему не терпелось узнать, кто эти незнакомцы. По двубортному мундиру и обрывкам разговора, которые ему удалось расслышать, он понял: это карабинеры – разговаривают с Маленой о ее муже.

– Джованни возвращается, Джованни возвращается! – закричал он, вприпрыжку выбегая на задний двор, где мать загоняла обратно в курятник сбежавших через дыру в тростниковом заборе кур.

– Что ты такое говоришь? – переспросила Мимина, пока сын радостно скакал возле кур, разгуливающих на солнышке среди поспевших тыкв и капусты.

– Те двое в форме сказали Малене, что ее муж возвращается домой.

– Ты уверен?

Она остановилась и вытерла вспотевший лоб рукой.

– Эя, мамай, идите сами послушайте и заодно спросите, вернется ли мой бабай, – сказал мальчик, не переставая скакать среди молодок, которые в испуге разбегались кто куда.

Загнав наконец кур в курятник, Мимина расправила складки юбки, поправила передник и побежала к подруге. Дверь была открыта, она вошла без стука, возвестив о себе коротким «О!».

– Заходи, сестра. – Малена улыбалась.

Она складывала дрова у очага и взволнованно передвигалась по кухне, на ходу наводя порядок.

– Это правда? – спросила Мимина.

– Эя, пришли эти двое и сказали, что получили фотограмму, или как там она называется, из префектуры командования Ористано. Джованни приедет в отпуск.

Малена выпалила все на одном дыхании, что с ней случалось редко.

– Я так рада за тебя… – сказала Мимина, устыдившись укола зависти, который на мгновение почувствовала.

Малена приготовила кофе из обжаренных зерен ячменя; они пили его вместе.

– В письмах за эти два года он не раз обещал приехать в отпуск, – но все откладывалось и откладывалось.

Они вышли на порог, и утреннее солнце осветило лица двух женщин: темные и острые, как лезвия, глаза Малены, светлые и добрые – ее молодой подруги. Они постояли у двери, глядя с самой высокой точки во всем Норолани на то, как прозрачное небо сливается на горизонте с морем в единый бескрайний простор.

В первой половине дня начались приготовления: нужно было достойно встретить одного из немногих солдат Норолани, возвращавшегося домой в настоящий отпуск. До сей поры возвращались лишь те, кого демобилизовали по непригодности, или те, кто, хотя и приезжал иногда больше чем на месяц, но лишь затем, чтобы оправиться после ранений и болезней и снова вернуться на фронт. Семьям десятка местных парней и вовсе не повезло: им пришли извещения, написанные торжественным слогом, о том, что их сыновья героически пали в бою или пропали без вести.

Это был цвет молодежи их деревни. В том году призвали и совсем юных, рожденных в 1899-м. Им еще не исполнилось восемнадцати, многие из них никогда раньше не покидали родных краев, и никто не знал, вернутся ли они когда-нибудь.

Дверь дома Малены была распахнута настежь; на кухне хлопотали с полдюжины женщин – родственницы, соседки, подруги. Во дворе, стоя на коленях на циновке под навесом, две девушки разбивали камнем скорлупу сладкого миндаля, складывая очищенные ядра в корзину.

Чуть поодаль две другие проделывали то же самое с горьким миндалем – его клали отдельно, в корзинку поменьше. Все говорили о неожиданной новости и о завтрашнем празднике. Белоснежные вышитые простыни из тонкого льна развевались на ветру: Малена вывесила их проветриваться.

Тем временем тетка Дзицца, сидя на пороге кухни, читала *Te Deum* вперемежку с *Gloria Patri*, переиначивая латынь на свой лад. Время от времени она прерывала благодарственные молитвы за возвращение сына, чтобы раздать указания:

– Смотрите мне, не смешайте горький миндаль со сладким. – И зорко наблюдала за ходом приготовления праздничных сладостей.

– Конечно, конечно, тетушка Дзицца, – посмеивались себе под нос две девушки, отделяя ядра от скорлупы.

Опустив миндаль в кастрюлю с кипятком, Малена откидывала его на полотенце, а две пожилые женщины, зажимая каждый орех между пальцами, выдавливали белоснежные ядрышки на ткань.

В соседнем доме мать и дочь лепили к завтрашнему празднику пани пинтау[2]. Старик-хозяин, только что вернувшийся домой, поставил суму на пол и с довольным видом разложил на кухонной полке гранаты и четыре кочана капусты – сегодняшний урожай. Ему не терпелось немного отдохнуть под навесом, но блаженные планы прервал голос жены:

– Иди нарви листьев, да покрепче.

– Схожу чуть погодя.

– Нет уж, надо сейчас.

Старик посмотрел на жену, потом на дочь, понял, что возражать бесполезно, смирился и вышел. Через полчаса вернулся с охапкой зеленых листьев, перевязал их бечевкой и вставил в пышный пучок длинную заостренную палку, стоявшую у жерла дровяной печи. Получилась отличная метла – ею две женщины сдвинут угли на одну сторону и очистят от золы ту часть, куда длинной лопатой из хорошо выдержанного бука уложат хлебы, как только те как следует подойдут.

К вечеру женщины с удовлетворением разглядывали ароматный праздничный хлеб, только что вынутый из печи и выложенный в широкие плетеные корзины из асфодели, и аппетитные амаретти, джерминос и гуэффос[3], которыми на следующий день им предстояло лакомиться вместе с Джованни.

Малена приготовила аранцаду – одну из традиционных сладостей Оргозоло: апельсиновые корочки, нарезанные тонкими полосками, и сладкий миндаль, залитые медом из земляничного дерева.

С самого полудня старшие дети носились по переулкам верхней части деревни, оставив малышей у дома. Те, сбившись в кружок и тесно прижавшись друг к дружке, запускали прутики в луже, где еще стояла вода от недавних дождей, и время от времени проводили перепачканными в грязи ручонками под носом, размазывая сопли по щекам. Когда детей наконец загнали домой, старшим досталось за засохшие на пухлых щечках малышей грязные разводы. Впрочем, они давно смирились – что бы ни натворили младшие, отвечать всегда им.

– Кто знает, может, и мэр со священником заглянут на праздник?

Расставляя сладости по корзинкам, тетка Дзицца подняла глаза на невестку – та довольно кивнула.

– Ма, можно мне хоть что-нибудь попробовать? – Даниэле успел поужинать и теперь жадно раздувал ноздри рядом со сладостями, как пес, почуявший добычу.

---

[2] Сардинский праздничный хлеб, украшенный узорами: цветами, листьями, колосьями. Его пекут из твердой пшеницы к праздникам и свадьбам.

[3] Сард. amaretti, germinos, gueffos – сардинские сладости из миндаля.

– Ни в коем случае. Сам ведь знаешь: если будешь есть сладости до праздника, наутро пятка прирастет к заднице.

Малена говорила строго, но Роза улыбнулась. Засыпая, мальчик все думал о том, как ужасно иметь приросшую к заднице пятку и, главное, как трудно с ней бегать и играть с друзьями. А потом провалился в сон.

На рассвете Малена и дети были уже на ногах.

– Вот видишь, мамай правильно вчера сделала, что не позволила тебе есть сладости, – сказала Роза с улыбкой, увидев, как брат вскакивает с кровати.

– Зато сегодня я съем сразу несколько, правда?

Быстро позавтракав кружкой молока и ломтем хлеба, Малена закончила прибирать немногочисленные комнаты своего скромного жилища.

– Это передал отец, чтобы угостить сегодня вечером гостей. – Мимина вошла в дом и поставила на кухонную полку бутыль сладкого вина.

Вместе они застелили постель, как в день свадьбы. Во дворе под навесом поставили две деревянные скамьи. Там норолянцы будут чествовать солдата Джованни, угощаясь миндальными сладостями. Женщинам их подадут с чашечкой настоящего кофе из свежемолотых ароматных зерен, а мужчинам – с рюмкой душистого москато или янтарной мальвазии.

– Выпьем сегодня за здоровье моего сына и всех земляков, что служат солдатами.

Отец Джованни в старом широком пиджаке с начищенными по такому случаю до блеска пуговицами потер руки.

– Учительница сказала нам, что эта война сделает Италию более могущественной и великой, – добавила Роза, заканчивая заплетать черные прямые волосы в косы. И, не удержавшись, добавила: – Хотя многие мои одноклассники даже не знают, где эта Италия начинается и где кончается.

– Стой смирно! Что ты вертишься, как карп? – прикрикнула тетка Дзицца, пытаясь на кухне причесать и одеть Даниэле.

– Интересно, в котором часу он приедет? – спросила Малена, заслышав звон церковного колокола.

Она старалась держаться степенно и сдержанно, но, вытирая вспотевшие руки об юбку, не могла вспомнить, чтобы когда-нибудь так волновалась.

Роза была уже готова. Малена поспешила помыться в большом деревянном корыте, стоявшем в спальне. Вытершись, завернула горсть семян лаванды в платок и растерла им все тело и даже волосы, которые заплела в длинную косу, что покоилась теперь на плече со шрамом. С помощью Мимины она надела все лучшее, что у нее было: суконную юбку, всю заложенную в складки, кроме центральной части, дрожащими руками застегнула белую рубашку с буфами, поправив воротник и тонко вышитые манжеты. Потом надела корсаж из парчи с яркой цветочной вышивкой, попросив подругу затянуть его под грудью лентой крест-накрест: не хотела, чтобы та заметила дрожь в ее руках.

– Кажется, немного жмут, – сказала она, надевая туфли из тонкой коричневой кожи на невысоком каблуке.

– Ничего страшного, если натрешь пятки. Зато Джованни снова будет рядом.

– После беременности ноги выросли на размер.

– А может, это от того, сколько километров ты отмерила по этим дорогам. Стой – дай получше уложу тебе косу.

Мимина закончила застегивать серебряные пуговицы на воротнике и манжетах, которые теперь свободно свисали из петель, и оглядела Малену при свете из окна.

– Прекрасна, словно невеста.

– Хочу, чтобы Джованни увидел меня именно такой.

Малена старалась держаться уверенно, но Мимина видела, что плечи у нее напряжены. Она достала серьги из коробочки на прикроватной тумбочке и вдела их подруге в мочки. Вместе с пуговицами эти серебряные серьги с маленькой коралловой подвеской были единственными украшениями Малены. А то, что они достались ей от матери, делало их еще более ценными. Едва коснувшись их кончиками пальцев, она снова увидела мать перед собой: ее губы растягивались в улыбке, обнажая блестящие белые зубы.

После того как колокол на главной церкви пробил одиннадцать ударов, у въезда в деревню показалось большое облако пыли и ватага мальчишек помчалась возвестить о приезде солдата. Жители Норолани – старики, женщины и дети – высыпали по обе стороны улицы, на которую выходил дом Джованни. Мало кому из них прежде доводилось видеть автомобиль; многих напугал грохот мотора Fiat Zero, проезжавшего по деревне. Двое стариков, как всегда сидевшие на пороге одного из домов, по такому случаю даже надели чистые белые штаны, заправленные на середине голени в гетры из черного сукна; такого же цвета была и короткая складчатая юбка, спускавшаяся до середины бедра.

– Дьявольская машина, – сказал один из них, сдвигая берриту набок.

– Не к добру все это, ох, не к добру, – вторил ему другой, засовывая большие пальцы за вырез жилета.

Оба прекрасно понимали: рано или поздно все эти, по их мнению, «дьявольские затеи» сметут привычный уклад и весь доселе знакомый им мир. Они проводили дни, не вынимая изо рта одной и той же сигары – даже когда та потухала. Ни одна душа не могла пройти по улице, не получив вдогонку порцию колких замечаний, ставших еще злее с тех пор, как старики остались одни: сыновья, зятья и даже кое-кто из внуков ушли на войну, а дочери и невестки вынуждены были в одиночку обрабатывать скудные наделы и содержать стадо, чтобы не умереть с голоду.

– Такая огромная машина – большого человека везут, – сказал священник, выпрямив спину и отдавая последние распоряжения служке. Тот без промедления поднялся на колокольню и зазвонил торжественно, по-праздничному.

Почти все вышли из своих домов. Малена стояла неподвижно посреди улицы и лишь изредка теребила руки.

– Едет, едет! – закричал Даниэле. Весь в мыле, он мчался вверх по улице, обгоняя остальных.

– Я ничего не вижу, – сказала Малена.

Никто из присутствующих не проронил ни слова. Лишь когда гул мотора стал различим, в толпе послышались разговоры. Автомобиль остановился. Дверцы открылись, вышли двое военных. Они молча оглядели собравшихся и, переглянувшись, наклонились, чтобы помочь выйти мертвенно бледному тощему солдату, поддерживая его под руки.

Едва коснувшись земли, один из костылей Джованни скользнул в грязь. Мужчина повис на руках сопровождающих. Один из молодых карабинеров, стоявших с командиром в первом ряду, наклонился, поднял костыль и с сочувственным взглядом протянул его Джованни.

Воодушевление норолянцев мгновенно сменилось ледяной тишиной.

Малена почувствовала, как к глазам подступили слезы, сглотнула, но удушающий комок в горле не давал произнести ни слова. Она смотрела на мужа и не могла заставить себя подойти. Одежда на Джованни висела мешком, взгляд был измученным, а сам он словно постарел на несколько лет. В иных обстоятельствах Малена с трудом бы его узнала. Ей пришлось усилием воли убедить себя, что это ее муж и что ее долг подойти и встретить его.

Отец солдата поднялся с базальтовой плиты у входной двери – той, с которой обычно садились верхом, – и вышел ему навстречу, едва слышно произнеся:

– С возвращением, Джованни.

Следуя примеру старика, мэр тоже шагнул вперед и слегка хлопнул солдата по плечу, стараясь скрыть смущение.

Одна лишь тетка Дзицца бросилась обнимать покачивающегося на костылях сына, чуть не повалив его на землю. И ее отчаянный крик разорвал всеобщее молчание:

– Что они с тобой сделали, сыночек мой дорогой?

Никто не осмелился вмешаться.

– Где его нога? Где? Где, я вас спрашиваю? – причитала старуха сквозь слезы, колотя кулаками в грудь одного из молодых военных.

Мимина взяла Малену под руку и подвела к Джованни. Супруги обнялись и не смогли сдержать слез.

6

– Давай помогу.

Малена еще не пришла в себя. Она отложила все расспросы на потом и сосредоточила внимание на одном: чтобы мужу было хорошо дома. Пожалуй, даже слишком много внимания – вот хотя бы этот стул, который она придвинула к нему.

– Не надо, я сам. Дорога меня измотала… И все остальное тоже.

На кухне, на накрытом к обеду столе – готовила в тот день тетка Дзицца, – дымились маллореддус[4] с рагу из потрохов, курица в белом вине с картошкой и лепешки из рикотты с лимоном; еда занимала почти весь стол, источая праздничные ароматы. Этот обед должны были разделить с ними все соседи, помогавшие с приготовлениями, но никто так и не решился остаться.

С отрешенным взглядом Джованни положил себе в тарелку такую гору еды, что часть вывалилась на льняную скатерть с прорезной вышивкой. В последний раз Малена стелила ее по случаю первого причастия Розы.

Дети молча смотрели, как отец кладет себе всю эту вкусную еду, и боялись, что ни им, ни бабушке с дедушкой ничего не достанется.

– Почему он так странно себя ведет? – вполголоса спросил Даниэле у матери, уткнувшись лицом ей в плечо.

Пожилые родители тоже смотрели на Джованни с удивлением – никогда раньше они не видели его таким. Наоборот – накладывая себе еду первым, он всегда оставлял детям кусочки получше. Так же обычно поступала и Малена.

Теперь же Джованни не знал, что делать со всем этим изобилием, о котором так долго мечтал. Аппетит пропал с первого же куска. Он с трудом, почти не жуя, проглотил немного курицы и одну лепешку. Вся семья смотрела на него и на тарелку, в которой он бесцельно ковырялся руками и вилкой.

– Будто помои свиньям мешает, – прошептала Роза, прикрыв рот рукой так, что ее услышал только брат.

Даниэле придвинул стул поближе к матери, словно в поисках защиты.

– Что делает бабай?

– Мы так молились, чтобы он вернулся. – Малена прижала его к себе.

– Нехорошо переводить еду – это грех. – На этот раз Роза заговорила чуть громче, хотя и робко.

Джованни не ответил. Старики тоже молча держали вилки в руках и смотрели на этого далекого, незнакомого им сына.

– Роза! Прекрати. Ступайте во двор – делайте что хотите, – крикнула Малена и указала на заднюю дверь. – Ну же!

Во дворе царил порядок: площадка чисто подметена, скамьи ровно выставлены под навесом, увешанным спелыми гроздьями белого винограда. Брат с сестрой опустились на скамью и смотрели друг на друга в растерянности. Над головами жужжали пчелы, пировавшие в дебрях виноградных гроздей.

Тем временем Джованни молча взял костыли и заковылял в спальню. Малена оставила свекра со свекровью за столом и пошла за ним.

---

[4] Традиционная сардинская паста из манной крупы, по виду напоминает тонкие рифленые ракушки длиной от двух сантиметров и больше.

Прежде чем сесть на край кровати, Джованни чуть сдвинул вытканное узором льняное покрывало – и как был, в пропотевшей грязной серо-зеленой форме, даже не умывшись, повалился на благоухающие чистотой простыни.

Помогая мужу расстегнуть внутренние пуговицы кителя, Малена заметила, что у него увлажнились глаза, но ничего не сказала. Медленными движениями она сложила суконные брюки и положила на стул у прикроватного столика.

– Помочь тебе сполоснуться? – спросила она, глядя на культю, туго замотанную марлей, которая когда-то, по всей видимости, была белой.

Она никогда раньше не видела человека с ампутированной ногой. Лишь в детстве в Теннаири знала одну старуху с маленькой, как у ребенка, рукой. Малена привыкла видеть ее такой и не обращать на это внимания. Она подумала, что и с Джованни будет так же. Да, она была в этом просто уверена: он, как та старуха из Теннаири, привыкнет и научится жить с одной ногой.

– Нет, хочу отдохнуть, – сказал он, прикрывая культю простыней. – Три дня меня мотало туда-сюда. Путь с материка был долгим. Я еще позавчера валился с ног, когда мы отплыли на пароходе в порт Гольфо Аранчи, а там пришлось ждать документы, прежде чем сесть на поезд.

– Как же ты добрался?

Малена не сводила глаз с бинтов, под которыми угадывался багровый отек, доходивший до самого паха.

– До Макомера долго ехал на деревянных сиденьях. Неудобно, но что поделаешь. Хорошо хоть, что на станции встретили и на военной машине довезли до Норолани. А не то, чего доброго, помер бы в дороге.

Малена осторожно повесила на спинку стула грязные рубашку и китель.

Ближе к вечеру пришли младшие брат и сестра Джованни и застали пожилых родителей все еще сидящими на кухне бок о бок перед холодным нетронутым обедом. Убрав со стола, Малена предложила гостям сладости, приготовленные накануне, но только брат Джованни взял один амаретто и ел маленькими кусочками, время от времени прикрывая глаза. Тетка Дзицца с опухшими и покрасневшими от слез глазами судорожно сжимала в руках четки, но не выдержала и между молитвами принялась изливать гнев на тех, кто сотворил такое с ее сыном:

– Родненький ты мой! Что они с тобой сделали?

Поскольку муж хотел оставаться в постели, Малена провела гостей в спальню. Старики вошли с ними. Брату Джованни было немногим за тридцать, и он все еще жил с родителями. Несколько лет назад, работая на кожевенном заводе на реке Темо в Бозе, он заразился малярией и был вынужден вернуться в Норолани. Он был высокий и худой, с кожей землистого оттенка; рукава его рубашки были закатаны до локтей, обнажив желтоватые предплечья. Такой цвет кожи свидетельствовал о запущенной болезни и малокровии – именно они сделали его непригодным к службе. Он стоял перед кроватью брата, стараясь не встречаться с ним взглядом, и время от времени пожимал плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.